

Вера Фролова

ИЩИ МЕНЯ В РОССИИ

ДНЕВНИК
«ВОСТОЧНОЙ РАБЫНИ»
В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ
1942–1943

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 91

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

В книге использованы фотографии из семейного архива автора

Фролова В.

Ф 91 Ищи меня в России. Дневник «восточной рабыни» в немецком плену. 1942–1943 / Вера Фролова. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 704 с. + вкл. (16 с.) — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-30501-4

В 2005 году вышла в свет автобиографическая книга Веры Павловны Фроловой «Ищи меня в России». Выпущенная скромным тиражом 500 экземпляров, книга немедленно стала библиографической редкостью: в солидном томе вниманию читателей были представлены дневники, которые юная Вера вела в немецком плену с 1942 по 1945 год.

«Мне было 17 лет, когда пригород Ленинграда Стрельну, где я родилась и училась в школе, оккупировали немецко-фашистские войска. А весной 1942 года нацисты угнали меня с мамой в Германию, где мы стали „остарбайтерами“, иначе говоря „восточными рабами“...» — писала Вера Павловна в предисловии к первому изданию, предваряя этим сдержанным и лаконичным пересказом мучительно-страшных биографических фактов потрясающий по силе человеческий документ — свидетельство очевидца и участника одной из самых чудовищных трагедий XX века.

«После освобождения нас советскими войсками в марте 1945 года мы вернулись на Родину. Единственным моим „трофеем“ из Германии был тогда потрепанный соломенный „саквояж“ с пачкой дневниковых записей...» Написанные частично на бумажной упаковке от немецких удобрений, эти записи бережно хранились Верой Павловной всю жизнь и были лично подготовлены ею к публикации.

Летопись четырех лет жизни в неволе составила четыре части книги «Ищи меня в России». В настоящий том вошли первая и вторая части дневника Веры Павловны Фроловой, охватывающие события 1942 и 1943 годов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-30501-4

© В. П. Фролова (наследник), 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ОТ АВТОРА¹

Мне было 17 лет, когда пригород Ленинграда Стрельну, где я родилась и училась в школе, оккупировали немецко-фашистские войска. А весной 1942 года нацисты угнали меня с мамой в Германию, где мы стали «остарбайтерами», иначе говоря, «восточными рабами». Работали в сельском хозяйстве, в большом поместье бауера Адольфа Шмидта. Там на протяжении трех лет я вела дневник, где, по мере своих способностей, писала о нашей рабской жизни на чужбине, о встречах с разными людьми, о своих переживаниях, горестях, надеждах. Писала ночью, втайне от всех, сидя в опустевшей кухне либо в тесной кладовке, завесив окно старым байковым одеялом. Не было бумаги, часто совершала недозволенное — использовала для записей грубые бумажные кули из-под удобрений. Те ночные часы бодрствования в чужом немецком жилище были единственными светлыми мгновениями в подневольной жизни, в которую мне, как и многим моим сверстникам, выпало шагнуть прямо от школьного порога.

После освобождения нас советскими войсками в марте 1945 года мы вернулись на Родину. Единственным моим «трофеем» из Германии был тогда потрепанный соломенный «саквояж» с пачкой дневниковых записей.

Однажды, много-много лет спустя, став уже пенсионеркой, я принялась как-то разбирать свой накопившийся за долгие годы журналистской работы бумажный «архив» и неожиданно в самом низу шкафа наткнулась на обернутый в старую, ветхую газету пакет. Недоумевая, развернула его, и внезапно передо мной ярко, как вспышка молнии, вновь возникла моя бедная, покалеченная войной юность. Я читала полустертые строки и плакала. С пожелтевших страниц четко, как

¹ Текст книги печатается по первому и единственному полному изданию дневников, подготовленному Верой Павловной Фроловой совместно с издательством «Ореос» в 2005 г.

В настоящий том вошли первые две части книги «Ищи меня в России», охватывающие временной период с 1942 по 1943 г.

на киноэкране, проплывала прежняя постылая рабская жизнь, заполненная до краев тяжелой, каторжной работой, жестокостью, повседневными унижениями и оскорблениями. Я снова зримо видела себя, тогдашнюю, со всеми своими тревогами и печалью, с непокорством и ненавистью, с надеждами и разочарованиями, а также с упрямой, нестигаемой — несмотря ни на что! — нестигаемой верой в непреходящее скорое освобождение... Я вновь видела лица друзей и подруг по несчастью, слышала их голоса, вновь с грустным и светлым чувством переживала свои тайные сердечные привязанности — ведь мы были молоды, и даже угрозы фашистов о заточении в концентрационный лагерь не могли стать препятствием для кратковременных быстротечных встреч.

После некоторых раздумий я решила заняться своими дневниковыми записями — отредактировать их стилистически, дополнить, сохраняя прежнюю канву повествования, некоторыми воспоминаниями. К середине девяностых годов прошлого века эта работа была завершена. Получилась довольно объемная рукопись.

Известно, что то время оказалось невероятно трудным для жизни нашей страны — для всех сфер ее деятельности, в том числе и издательской. И я очень благодарна главному редактору журнала «Нева» Борису Николаевичу Никольскому, решившемуся опубликовать в 1997 году часть моей рукописи под рубрикой «Дневник „остарбайтера“».

К сожалению, все последующие годы издать книгу полностью не представлялось возможным, и лишь буквально в последние месяцы, как говорится, забрезжил для этого «свет надежды». Мое огромное сердечное спасибо людям, изыскавшим возможность финансировать издание моей книги: директору СПб ГУСПП «Флора» **Светлане Васильевне Малик**, директору ГУДСП «Петродворцовое» **Андрею Владимировичу Подобеду**.

Большое спасибо также за постоянную, неустанную моральную поддержку заведующей стрельнинской библиотекой имени Ю. Инге Нине Ивановне Симоновой, моим родным людям — сыну Вячеславу, дочери Ирине и членам их семей, а также моим нынешним друзьям — бывшим малолетним узникам фашизма. И конечно же, моя особая, безграничная благодарность коллективу Издательского дома «ОРЕОС»: **Николаю Павловичу Плотникову**, **Дмитрию Николаевичу Шумилину**, **Татьяне Борисовне Ивановой** и их коллегам, взвалившим на свои плечи огромный труд по изданию моей книги в сравнительно короткий срок — к 60-летию нашей Великой Победы.

Дай-то Бог всем этим людям хорошего здоровья на долгие годы, такой же неиссякаемой душевной щедрости и доброты.

Вера Фролова

Апрель

Ночь тиха и свежа. Я сижу на крылечке покосившейся от старости веранды и, задрав голову, смотрю в пустоту, которая называется небом. Редкие звезды уже заняли свои места и подмигивают оттуда, равнодушно созерцая раскинувшийся под ними мир. Одна мигает особенно назойливо... Небо... Наверное, там, за двадцать пять километров отсюда, ты и приветливее, и теплее.

Впервые за свои семнадцать лет я не радуюсь тебе, весна. Впервые за свою жизнь у меня не замирает сердце при звуках веселой капли. Впервые мне не хочется читать стихи, когда, пробираясь ранними утрами между начавшими зеленеть деревьями, я слышу, как тонкие льдинки с легким, едва уловимым звоном рассыпаются под ногами. И кажется, впервые за свою жизнь я учусь ненавидеть.

Примолкли ненасытные комары, напуганные ночной прохладой. Непривычная тишина зависла над потревоженной войной землей. И только где-то в деревне заигранная граммофонная пластинка хриплым, ноющим голосом выводит чужие слова чужой песни:

...Комм цурик. Их варте ауф дихь,
Венн ду бист фюрмихь...¹

Я зло смеюсь в душе. Пусть ждет. Только дождется ли?

Вот и вчера очередной (который уже по счету!) «гремладунг» — «скорбный груз» — вместительный, заполненный гробами крытый фургон, — отправился проторенной дорогой в их Германию, к ожидающим там своих мужей и женихов женам и невестам.

¹ ...Возвращайся. Я жду тебя,
Если ты для меня... (нем.). — Здесь и далее — примечания автора.

Итак, сегодня, после долгих месяцев молчания, я снова принимаюсь за свои записи. Я не могу, оказывается, жить без тебя, мой дневник, не могу не поверять тебе хотя бы изредка, время от времени, свои переживания, мысли, надежды.

Значит, я в оккупации. Это произошло девятнадцатого сентября прошлого, 1941 года. Днем раньше, когда окончательно стало ясно, что захват Стрельны неизбежен, что немцы все-таки займут нашу деревню, Новополе, наш дом, что они вот-вот ворвутся в нашу жизнь, — мы с мамой спешно отправились в Ленинград, к маминой сестре — тетке Ксении (все необходимые вещи, одежда и кое-какие продукты были отправлены туда заранее). Мне трудно сейчас вспомнить, где и как мы шли. Пробирались с какими-то незнакомыми людьми по бездорожью (центральная магистраль то и дело обстреливалась с самолетов). Шли пешком, так как ни электрички, ни трамваи уже не ходили. Потом, где-то в районе Сосновой Поляны, наши попутчики все враз куда-то исчезли (возможно, попрятались), мы с мамой оказались в одиночестве. По-видимому, угодили в зону интенсивного обстрела. Единственно, что хорошо запомнилось, — это почти непрерывный свист, шелест и вой над головой да длинное, бесконечно длинное картофельное поле с залитыми недавним дождем бороздами, по которым мы с мамой в страхе ползли вперед. Помню узкий, извилистый окоп, куда неожиданно поочередно свалились чуть ли не на голову пожилому сердитому бойцу в разорванной на спине гимнастерке, который, разглядев сквозь густой слой грязи наши вытянутые от страха физиономии, сдержанно выругался: «Идиотки!.. Дуры набитые, куда вас несет? Ведь немец — впереди...» Тут мы узнали, что со вчерашнего вечера дорога на Ленинград отрезана...

Ранним утром 18-го сентября, когда перестрелка немного затихла, мы с мамой прежним обходным путем вернулись обратно, в Стрельну, и здесь, на самом берегу Финского залива, в землянке, до отказа набитой не успевшими переправиться в Ленинград людьми — такими же, как мы, неудачниками, после ожесточенного ночного боя впервые увидели немцев. Как я уже сказала, это произошло 19-го сентября. Будь проклят тот день в моей жизни! Как он мне запомнился! Моросил дождь. Вся Стрельна была окутана едким, удушливым дымом. Горели дома. Языки пламени

вырывались со зловещим гулом из окон, и было странно и жутко, что никто даже не пытался унять, остановить эту разрушительную силу огня. Кругом лежали трупы, много трупов в самых разнообразных позах с одним безмятежно-спокойным выражением на лицах. И немцы, и наши. Похоже, что смерть примирила их — будто съехались на какое-то сборище парни из двух стран, а теперь вот устали, мирно прилегли отдохнуть — просто каждый опустил на землю в том месте, где до этого находился.

Мы шли по Ленинградскому шоссе, теснясь к самому краю дороги, и ужас и незнакомая прежде острая, невыносимая боль леденили мое сердце. А они, крикливые, самоуверенные, самодовольные, либо ехали на мотоциклах, либо шагали, вальяжно, уверенно, заняв всю магистраль, — двигались бесконечной, воинственной ордой — чужие, наглые, страшные.

И потянулись серенькие, похожие один на другой, как две капли воды, дни жизни в оккупации. Первым долгом у нас очистили от всей живности хлев. Затем взломали погреб, увезли картофель и все находящиеся там овощи и припасы и, в конце концов, бесцеремонно выгнали из собственного дома. Теперь мы, три бездомные семьи, ютимся в летней, продуваемой всеми ветрами, ветхой дачной постройке.

Как прошла зима?

Если сказать коротко — все эти месяцы мы пребывали в состоянии голодного отупения. В нашей округе осталось совсем мало народу. Часть умерли от голода, часть — вывезли. Первыми увезли немцев (советских немцев-колонистов). Так исчезли из нашей жизни Маргарита с маленькой Гренадой. Куда — неизвестно. По слухам — в Германию. Затем увезли всех финнов. Не мы ли теперь на очереди? Ничего, ничего так не хочу, как только остаться здесь, возле Ленинграда!

Сейчас я смотрю в ту сторону, куда ушло, ускользнуло от меня мое светлое, беззаботное счастье. Двадцать пять километров разделяют нас. Двадцать пять километров. Это же совсем немного. Это двадцать минут езды на электричке, сорок минут — на трамвае, и каких-то пара часов ходьбы пешком. Но как далек, как бесконечно далек ты теперь от меня, мой родной город. И как недоступен сейчас для меня.

11 апреля

Пишу опять, так как больше заняться нечем.

На днях бандиты, именующие себя «цивилизованными освободителями», снова выкинули трюк, который едва ли пришел бы в головы даже первобытным дикарям. Они жестоко, зверски, хладнокровно убили моего одноклассника — Юру Паражинского — привязали его, убогого (Юрка от рождения был горбатым), обеими руками к вожжам и затем погнали лошадь вскачь. Юрка, спотыкаясь, мотаясь из стороны в сторону, вначале поспевал за лошадей, но потом не выдержал, упал и волочился, весь окровавленный, позади, по мерзлым буграм... Закончив экзекуцию, «цивилизованные» душегубы отвели разгоряченного коня в конюшню, а несчастного Юрку добили выстрелом в упор из револьвера. Такую зверскую расправу нацистские выродки учинили только за то, что обезумевший от голода мальчишка решился украсть какую-то малость из немецкой кухни.

Боже мой! До каких же пор это будет продолжаться? Повесили Сарру Раеву, расстреляли Виктора Богданова, убили Сережку Ионина. И сколько еще впереди?

Вчера умер от голода брат папы — дядя Гриша. Похоронили его сразу за деревней. Кто теперь на очереди?

Всю эту долгую, суровую зиму каждый день был наполнен только одной заботой — как бы прокормиться, выжить? Мы ходили на поля, вырывали из-под снега мороженые капустные листья, пытались искать в промерзлой, твердой, как гранит, земле случайно оставшийся картофель. Уже ближе к весне дядя Миша с дедом Иваном выкопали из земли шкуру убитого осенью коня, и в течение нескольких дней не только стены нашего жилища, но и все окрест «благоухало» тошнотворным запахом гниющей падали, из которой мама с тетей Катей варили «студень»... Чуть-чуть полегче стало, когда появились почки на деревьях, а с южной стороны дома, на солнечном припеке, полезла молодая трава. Мама уже несколько раз варила «зеленые щи», — если заболтать такую похлебку хотя бы щепоткой отрубей, да еще слегка и посолить — получается даже очень шикарное блюдо.

Всех, кто еще жив и мало-мальски передвигает ноги, гоняют на работу. Кто пилит деревья, кто мостит бревнами дороги (ведь

немцам не жаль чужого леса!), кто строит бункера, а есть даже умельцы, что изготавливают впрок гробы.

Мы четверо — мама, Тася, Сима и я — определены в прачки (у меня еще есть дополнительная обязанность — ходить по утрам в комендатуру и переводить с немецкого на русский выдаваемые толпящимся возле крыльца рабочим наряды на день). И, помимо запаха гниющей падали, что прочно обосновался в старой кухне, выбивает слезы из глаз едкий запах щелока, который мы выпариваем из золы и в котором обильно замачивается грязное немецкое белье. Мои руки не боятся холода, и я обычно полощу отстиранное в проруби на реке. И вот, полоща и отжимая на ледяном ветру вещи чужих, непонятных людей, которых я ненавижу всеми силами своей души, я невольно размышляю о том, какую жалкую роль выпало мне играть в этой большой, всенародной войне.

Успокаивает только одно: я знаю, что это недолго продлится, что оккупационный кошмар скоро закончится и я еще буду полезной для своей Родины. Буду!

25 апреля

В моих записях — перерыв, но жизнь (если это можно назвать жизнью) протекает настолько монотонно и однообразно, что писать просто не о чем. Правда, за последние дни снова участились артобстрелы с нашей стороны, случается, что иногда бьют без перерыва минут по 20–30. Все наши домашние бегут при близких разрывах в примитивную землянку, что была вырыта нами в начале зимы под берегом реки. Я редко заползаю туда (в нее нужно именно «заползать», настолько вход низок) — слишком гнетет ощущение «земляного мешка». Кроме того, во мне живет почему-то твердая уверенность, что я не смогу быть убита своим снарядами, которого постоянно жду и которому искренне рада.

Что же касается нашего собственного бункера — просторного, с трехслойным бревенчатым накатом, что был сооружен возле дома еще в самом начале войны дедом Иваном и моим старшим братом Мишей — то тут все произошло как в известной детской сказке про Зайца и про Лису... Как-то во время сильного обстрела забежали к нам в бункер с дороги два фрица. Вежливыми, словно Лисы, были: «Разрешите переждать обстрел здесь». Переждали. Огляделись. А потом и выгнали всех нас, как Зайцев: мол, отны-

не это убежище для немецких солдат, а вы, русские свиньи, выметайтесь прочь отсюда. Вег!.. Вег!¹

Жаль, что сказка до сих пор остается незавершенной: не появился еще тут храбрый Петух с косой за плечами...

4 мая

Десять часов, как мы в пути. Куда нас везут — никто толком не знает. Если верить нашим угонщикам — тоже в Германию. Какими словами выразить мне мое горе, мое отчаяние, мое бессилие перед случившимся?!

За маленьким, пыльным, решетчатым оконцем, что находится почти под потолком теплушки, мелькают верхушки нежно-зеленеющих берез, голубеет весеннее небо. Монотонно стучат колеса, и с каждой минутой, с каждым оставленным позади километром я чувствую, как что-то отрывается от моего сердца.

Нас взяли сегодня, четвертого мая, перед самым восходом солнца. Ночь была тревожная, и мы все только что заснули тяжелым, беспокойным сном... Когда, очнувшись от громкого стука, я услышала их лающие голоса, а затем увидела сквозь занавеску стоявшую на дороге большую крытую машину — то сразу поняла, что это несчастье, огромное и ничем не поправимое... Они ввалились в дом, стуча коваными сапогами, распространяя вокруг запах сырости и псины. В первую очередь вытолкнули в свободный угол меня, затем, коротко посоветовавшись, махнули рукой и присоединили ко мне плачущую маму. На сборы дали двадцать минут.

И вот через полчаса промелькнула в последний раз перед глазами за поворотом дороги моя родная деревня. Я так и запомнила ее — разбитую, полуразрушенную, с торчащими в ласковых розовых лучах восходящего солнца черными трубами... Не могу, не буду описывать мое плачевное состояние в это утро. В Гатчине нас с ходу погрузили в уже заполненный такими же, как мы, неудачниками товарный состав, и уже вскоре поезд тронулся.

Итак, мы едем уже десять часов. Стучат, погромыхивая на стыках рельсов, колеса, мелькают километровые столбы, все дальше и дальше отдалается от меня мое светлое, безмятежное счастье. Теперь оно еще недоступнее.

¹ Прочь!.. Прочь! (нем.)

5 мая

Утром проснулась от холода. Одеяла нет, а старое пальто плохо греет. Зоя уже сидит на своем мешке, тоже щелкает зубами. Пристроились с ней рядом, но теплее не стало. Лишь поднявшееся солнце немного обогрело вагон.

Неожиданно поезд тормозит ход. Встал. Сидим настороженные, прислушиваемся. Снаружи раздаются какие-то выкрики, смех, немецкие ругательства. Поднимаемся с Зоей к оконцу. Кругом — ровное, гладкое поле, поросшее кое-где мелким кустарником. Ничего не понимаем. Ждем. Ждем долго. Разговоры и брань снаружи постепенно приближаются. Наконец доходит очередь и до нашего вагона. Гремят засовы, запоры, и тяжелая, щербатая, в металлических заклепках дверь с треском отодвигается. Сразу ослепляет глаза теплое майское солнце, слегка кружится голова от хлынувшего потоком свежего воздуха. В дверном проеме возникают фигуры четырех солдат с автоматами в руках. Посмеиваясь и оживленно переговариваясь, пересчитывают находящихся в вагоне людей по головам, затем бесцеремонно пихают поочередно каждого к распахнутой двери, сталкивая прикладами с приступков замешкавшихся.

Понимаем теперь, что выгоняют на волю для совершения естественных потребностей. Об этом свидетельствуют также их ужимки, недвусмысленные гримасы и идиотское похихикивание. Минут через пять с покрикиваниями «лось, лось!..» загоняют всех обратно. За это время вагон успевает проветриться, выкидываем наружу скопившийся мусор.

Я умылась в найденной канаве холодной, ржаво-зеленой водой, и головная боль, что мучила все эти часы, слегка затихла.

Мы доели остатки хлеба, привели себя мало-мальски в порядок и, приглядываясь исподволь друг к другу, завели неторопливые, скорбные разговоры. Пора и мне, моя тетрадь, поближе познакомиться тебя со своими спутниками.

Зоя Евстигнеева — моя нынешняя подруга, с которой я близко сошлась лишь за время пути. Мы с нею ровесницы, но до войны почти не знали друг друга, так как учились в разных школах. В теплушке наши места рядом, и теперь мы часто болтаем с ней, вспоминаем прежнюю жизнь, школьных друзей и подруг, а еще шепотом строим иногда разные фантастические планы побега

к своим — планы, которым, по-видимому, так и не суждено будет сбыться.

Матери у Зои нет, она умерла, когда Зоя училась в четвертом классе, а ее отец — дядя Толя — тоже здесь. Хмурый, молчаливый, он или спит, уткнувшись подбородком в воротник серо-бурого поношенного пальто, или сидит, покачиваясь в такт движению вагона и уставившись неподвижным взглядом куда-то в угол. Мне казалось, что, занятый своими невеселыми думами, дядя Толя не обращает никакого внимания на мои с Зоей перешептывания, но оказалось, что это не так. «Перестаньте зря молоть языками, — угрюмо бросил он однажды в нашу сторону. — Убегут они!.. Жить вам надоело? Куда бежать-то? Враз прихлопнут из автоматов... Как мух...»

Вторая семья, вернее, тоже полусемья, которую я знаю, — Журавлевы: два брата Евгений и Саша, и их мать — тетя Таня.

Отцу Евгения и Саши, а также третьему их брату удалось спрятаться дома от угонщиков, и теперь бедная тетя Таня льет слезы вдвойне — и за тех, кто остался, и за этих, гонимых от родного порога неизвестно куда.

Оба брата — полная противоположность друг другу. Младший Саша — ему только исполнилось пятнадцать — с ясными голубыми глазами и курчавыми светлыми волосами — воплощение живости, расторопности и энергии. Ему трудно усидеть на месте, и он то торчит, поднявшись на цыпочки на приставленном к стене ящике и вытянув тонкую шею, возле оконца, подавая оттуда реплики обо всем увиденном, а то пытается слоняться по вагону, задевая ногами лежащих и сидящих на полу пассажиров, чем неизменно вызывает однозначные, недовольные возгласы.

А Евгений весь в мать — смугл, черноволос, кареглаз. Ему восемнадцать лет. До оккупации мы с ним тоже почти не были знакомы. По выражению моей мамы, Журавлевы — «пришлые». Они появились в нашей деревне полтора-два года назад, к тому же Женя, как и Зоя, учился в другой школе. Естественно, у него были свои друзья и товарищи, у меня — свои. Теперь, за время пути, мы с ним мало-помалу сдружились, и нередко он тоже принимает участие в наших воспоминаниях о довоенном времени.

Третья и последняя семья, которая мне хорошо знакома, а в общем-то, тоже какой-то осколок от семьи, — это моя двоюродная сестра Сима со своей десятилетней дочерью Ниной. Муж Симы

работает старшим инженером на каком-то военном предприятии, он остался в Ленинграде, когда немцы перекрыли дорогу. Занятый заботами об эвакуации завода, работая круглыми сутками, он не сумел вовремя эвакуировать свою семью, и теперь Сима часто плачет, досадуя втайне на излишнюю преданность своего мужа заводским делам.

И наконец — моя мама. Война отняла у нее трех сыновей, трех моих братьев, и она последовала за мною, не захотев потерять меня — последнюю. Мне и жаль ее — ведь неизвестно, что придется пережить в чужой, страшной Германии, — и вместе с тем я так благодарна ей! Просто не могу даже представить себе, как в самые трудные дни своей жизни оказалась бы в одиночестве, среди незнакомых людей.

Остальных обитателей нашей теплушки я пока не знаю. Это в большинстве своем женщины с детьми — замкнутые, молчаливые, настороженные. Но я думаю, что, в конце концов, мы все сойдемся ближе за дорогу.

Итак, поезд летит все дальше и дальше. Я стою рядом с Сашкой у тусклого оконца и никак не могу отвести взгляд. Там, за дощатой, грязной стеной, за тяжелыми ржавыми запорами цветет и ликует настоящая весна. Вот проезжаем мимо высокой, песчаной, сплошь поросшей светлыми, кудрявыми березами и молодыми разлапистыми елями горушки, что крутым откосом спускается к железнодорожной насыпи. На самой вершине ее, вся залитая теплым солнечным светом, замерла в неподвижности, подобно изящному изваянию, дикая коза. Беспокойно прислушиваясь, животное следит настороженным взглядом за ползущим внизу составом с будущими рабами. Но вот раздались пьяные крики солдат, хлопанье выстрелов, и видение вмиг исчезло, легкое, как дуновение ветерка...

7 мая

Пишу опять, так как это осталось единственным занятием, которое у меня пока не успели отнять. Первым долгом еще там, дома, я взяла с собой тебя, моя тетрадь. Жаль, очень жаль, что твою предшественницу — дневник школьных лет — дневник того уже далекого, счастливого времени, которое кажется сейчас просто сказочным сном, — жаль, что мне не удалось взять его с собой. Он так и остался во дворе, в нише возле хлева, куда я его запрятал.

тала со всеми своими немногочисленными документами, когда явились незванные оккупанты.

Еще что я успела прихватить из дома за отпущенные нам минуты — это пачку семейных фотографий да набор художественных открыток с видами Ленинграда и Петергофа.

Мы едем уже 48 часов. Впрочем, «едем» — сказано не совсем точно. Зачастую наш эшелон подолгу, иногда по два-три часа стоит на запасных путях возле каких-то полустанков, а мимо хлопотно снуют паровозы, проносятся военные составы, заполненные солдатами, танками, орудиями, или движутся в обратном направлении — на Запад — платформы с побитой, обгорелой техникой. Иногда мелькают санитарные вагоны с большими белыми крестами на крышах и по наружной зеленой обшивке...

Ну вот. Не успела расписаться, как надо кончать. Кажется, поезд опять замедляет ход. Видимо, для нас, сидящих в теплушках затворников, наступает, как для домашних псов, пора очередного «выгула».

8 мая

Мы мчим все дальше и дальше. Погода резко испортилась, моросит дождь. По маленькому ущербному оконцу, обгоняя друг друга, скучно и лениво стекают мутные струйки. Холодно. Вчера Сашка нечаянно или нарочно выбил часть стекла в окне, в вагон врывается ветер с каплями дождя. Под низким блеклым небом уныло качаются однобокие сосны. Мимо проплывают крепко сколоченные хутора, на лугах — стада упитанных коров. Это уже Прибалтика.

По моему подсчету, сегодня — воскресенье, и, наверное, поэтому на полустанках царит некоторое оживление. Спешат куда-то женщины с котомками за плечами. Пробегает стайка мальчишек. Несколько мужчин в неуклюжих брезентовых накидках обстоятельно обсуждают какие-то свои проблемы. Все они с холодным любопытством разглядывают эшелон с живым товаром с Востока.

8 мая (вечер)

Очередной полустанок, и снова наш состав загнан на запасной путь. По-видимому, надолго. Мы с Зоей стоим возле окна, обзираем окрестности. Справа — небольшое здание вокзала с вы-

вернутым наружу красно-серым кирпичным боком. За переплетением железнодорожных путей виднеется булыжная мостовая с парой конных подвод на обочине. Мимо нашей теплушки проходят, громко разговаривая на ходу, к головному вагону два солдата — наши провожатые. Неторопливо возвращаются. Остановились неподалеку, продолжают что-то горячо доказывать друг другу. К ним неуверенно приближается, прихрамывая, крестьянского вида низкорослый мужичишка в блестящей от дождя клеенчатой накидке и в таком же клеенчатом кепи на темноволосой с густой проседью голове. Заговорил с немцами, жестикулируя руками. Те оставили свой спор, внимательно слушают его и даже, похоже, торгуются. Мужик показывает солдатам грубую ладонь с четырьмя растопыренными пальцами, словно убеждает их: мол, соглашайтесь... Цена хорошая! Больше вам никто не предложит. А немцы уперлись, один из них выставил перед носом мужика целых две пятерни: мол, только так! Меньше не пойдет... Непонятный торг продолжается. Наконец, похоже, столковались. Мужик торопливо направляется к одной из подвод, порывшись в груди сена, осторожно достает объемистую брезентовую сумку. Судя по тому, как он бережно несет ее, — внутри бьющаяся поклажа. Скорее всего, бутылки с самогоном.

Внезапно дверь нашей теплушки с грохотом отодвигается. В проеме возникают физиономии немцев и мужика в кепи.

— Тут разные собраны, выбирай любую, — говорит один из провожатых и громко ржет. — Хоть из этих, молодых, бери, — он кивает в нашу с Зоей сторону, — хошь другую какую.

Безразлично, мельком взглянув на нас, мужик озабоченно шарит взглядом по головам притихших женщин. С удивлением я замечаю, что у него разные глаза — один карий, другой голубой.

— Вот ту. — Мужик показывает пальцем на сидящую возле стены круглолицую, сероглазую, русоволосую Наталью. — Вот ту... Она, пожалуй, подойдет.

Наталье 36 лет. Ее послали на окопы под Лугу, и там она угодила к немцам. Она самая бойкая из нас. Вечерами, когда мрак окутывает теплушку и становится особенно тошно на душе, начинает рассказывать под монотонный перестук колес всякие истории, которых знает множество. А как-то даже завела песню...

— Матка, бери свои вещи и иди сюда, — строго говорит Наталья немец. — Тебе выпала судьба не ехать дальше, в Германию,

а остаться здесь. Тебя берет к себе этот человек, он — эстонец. Быстро!..

«Судьба» в образе разноглазого мужика сбивчиво поясняет ошеломленной Наталье на ломаном русском языке:

— Ты пойти в мой дом... Я иметь большой хозяйство — земля, лошадь, много корова... Моя хозяйка помереть зима. Сейчас много работа... Ты — крепкий баба: много работай — хорошо кушай. Будешь мой хозяйка...

Наталья с минуту молча смотрит на низкорослого эстонца, затем рывком поднимается со своего места, берется за узел.

— А и пойду! — с непонятным вызовом глухо говорит она. — И пойду. Какая разница, на кого горбатиться? А эстонцы все же ближе к нам, чем немцы.

Все обитатели вагона собрались возле распахнутых дверей, молча смотрят им вслед. Эстонец, подхватив из рук своей новой работницы узел, прихрамывая, суетливо семенит впереди. Рослая Наталья с гордо поднятой головой неторопливо шествует сзади. Уселись на подводу. Тронулись.

После ухода Натальи в вагоне долго не стихают пересуды: «Ну, Наталка! На этот раз учудила так учудила! Не зная броду — сунулась в воду... А этот-то, колченогий, даром что разноглазый, а разглядел самую красивую. Туда же — „мой хозяйка будешь...“ А впрочем, кто знает, как все обернется и что нам всем предстоит еще пережить».

Вот так. Значит, теперь можно любого из нас купить либо продать. Даже за бутылку самогона. А Наталья, что ж... Может, ей повезет больше, чем всем остальным. Эстония, конечно, ближе к нам. Ближе к России.

9 мая

Опять стоим в ожидании «зеленого света» на большой станции. Здесь уже все чужое — здания, вывески, лица. Напротив, через перрон, остановился воинский состав, следующий на Восток. Солдаты пялятся на нас, что-то кричат. Мы с Зоей отходим от окна, а Сашка продолжает оставаться на своем посту, информирует о происходящем на перроне и его окрестностях... Два полиция повели какого-то мужика в разорванном пиджаке. Руки у него за спиной связаны... Бабка в платке воду в ведрах несет. Постави-

ла ведра на землю. Крестится вслед мужику... Солдаты выходят из вагонов. Форма на них не немецкая. Все чернявые, загорелые. Один язык зачем-то показывает... Эй, камерад (это уже в окно), дай хлеба! Брота дай мне. Хоть айнбисхен¹. Хоть корочку...

Мама толкает меня в бок, протягивает пустую бутылку-поллитровку:

— Попробуй просунуть ее сквозь прутья, попроси кого-нибудь из солдат принести воды. Если это не немцы — возможно, не откажут. Колодец или колонка где-то рядом. Говорит же Сашка — бабка воду несет...

Нас всех сильно мучают голод и жажда. Но пожалуй, больше жажда. В Гатчине, перед отправкой эшелона в путь, к уже заполненному составу подъехала машина, груженная ящиками с хлебом, и несколько солдат принялись раздавать буханки от вагона к вагону в голодные очереди. При этом предупреждали: выданного хлеба должно хватить на весь путь. Каждому досталось тогда по небольшой, тяжелой и вязкой, замешанной пополам с опилками, буханке.

Хлеба уже давно нет в помине — никогда не забуду, как одна молодая женщина съела сразу всю буханку и тут же умерла в страшных мучениях. Ее унесли на носилках — вытянувшуюся, странно притихшую после долгого неистового крика... Так вот. Хлеб-то нам тогда дали, а воды не приносили ни разу. Хорошо, если на полях, куда нас раз в сутки по-прежнему ненадолго выгоняют из вагонов, удастся найти какую-либо канаву или лужу с водой. Но иногда возвращаемся ни с чем и тогда ждем с пересохшими ртами до следующей остановки.

Потеснив Сашку, я снова поднялась к оконцу, не без труда просунула круглое доньшко сквозь ржавую решетку. На перроне стояли солдаты в незнакомой, зелено-коричневой форме. Все, как один, черноволосые, смуглые. Определенно не немцы. Кто-то в вагоне произносит слово «мадьяры».

— Камераден... пожалуйста... — С трудом подбирая слова, я говорю на немецком. — Не можете ли вы принести немного воды. Здесь где-то поблизости должен быть колодец. Мы не пили уже несколько дней. Пожалуйста...

¹ Совсем немного (нем.).

Солдаты, как по команде, повернули головы, смотрят на нас с Сашкой. Один из них подхватывает просунутую сквозь прутья бутылку, спрашивает тоже на немецком:

— Ты кто — эстонка или латышка? Откуда вас гонят?

— Я — русская, из России... Пожалуйста, воды... Если вам трудно.

— Русская?! Из России? Так пусть тебя Сталин напоит. — В глазах солдата ярится злоба. Бутылка со звоном летит под перрон. — Вот своего Сталина и попроси, а не нас...

Мадыары... Женя говорит, что так называют то ли венгров, то ли румын. За что они так ненавидят нас?

10 мая

Седьмой день пути, и, кажется, наше вынужденное путешествие подходит к концу. Около полудня ввалились в вагон двое немцев-проводящих, объявили, что скоро германская граница, после чего с брезгливыми гримасами на физиономиях принялись трясти и перекидывать наше убогое имущество.

Значит, уже подъезжаем. Через какое-то время останется позади германская граница, и мы уже официально станем невольниками. Настоящими рабами. Мое сердце пронзила боль. Так и не смогли, не сумели сбежать. А может, все-таки попытаться? Вот сейчас, сразу... Пока эти типы тут копаются — спрыгнуть четверым на перрон, а там — под вагон. И ходу, ходу... Город, где стоим, вроде не такой уж маленький, на первых порах можно запросто затеряться в нем. А потом — на Восток. К своим...

Я посмотрела на Зою. У нее глаза тоже были полны слез. Она поняла меня, едва заметно качнула головой. Нет, ничего не выйдет. Теперь уже ничего не получится. Посмотри, сколько кругом солдатни. Не успеешь сделать и шага, как они подстрелят тебя.

— Ну и куда же нас теперь определяют в этой вашей Германии? — громко, помогая себе жестами, спрашивает мама. — Что мы будем там делать?

— Кайне зорге¹, matka. Сейчас война, работы на всех хватит. В первую очередь всех поместят в фильтрационный лагерь, там вытряхнут из вас вшей и прочую нечисть, а уж затем распределят

¹ Не беспокойся (нем.).

по разным местам — кого на фабрики либо на заводы, кого в шахты, а кого в сельское хозяйство. — Немец с усмешкой смотрит на маму. — Ты, matka, безусловно, попадешь к какому-нибудь бауеру, будешь коров доить... Знаешь, где у коров сиськи находятся? — Проржав громко, как лошадь, немец переходит на серьезный лад: — Наша Германия — высокоцивилизованная страна, все вы должны быть довольными, что увидите ее. У нас везде и всюду орднунг — порядок. Но сейчас война, рабочих рук не хватает. Вот вы, «остарбайтеры», и замените тех, кто на фронте.

— Вас ист дас? Что это такое? — Второй немец держит в руках мой дневник, неприязненно разглядывает его. — Чье это?

— Это моя тетрадь, — с неприятным холодком в сердце говорю я, подходя к солдату. — Я... переписываю здесь песни. Люблю петь — герне зинге. Пожалуйста, отдайте мне.

— Любишь петь? — Солдат насмешливо смотрит на меня. От него резко несет самогоном. — Смотрите-ка, она любит петь и, вероятно, надеется заниматься этим в Германии. Нет, милая, забудь про свои увлечения, тебе будет некогда заниматься там песнями. Ты будешь работать. Поняла? Только работать! А это, — солдат брезгливо протягивает мне тетрадь, — это ты сейчас же уничтожь. Разорви и выброси.

— Яволь! Так точно! — с дрожью в голосе послушно отвечаю я хмельному немцу, сжимая в руках помятую тетрадь. — Я непременно разорву ее и выброшу. Сейчас же. И никогда не буду больше петь, тем более в вашей распрекрасной Германии. А буду работать, работать и работать. Только работать.

В какой-то мере я последовала приказу немца-проводжатога. Однако не уничтожила свою тетрадь, а просто далеко запрятала ее. До лучших времен, если таковые, конечно, настанут.

1 августа

Суббота

Итак, я в Германии. Германия, Германия! Что я знала о тебе в школе и какая ты на самом деле! Швабия и Пруссия, Рурский бассейн и Саксония, Бавария и Тюрингия — безобидные школьные, заученные слова, ничего не дающие ни уму, ни сердцу. А вот ты настоящая — кичливая и надутая, холодная и настороженная, чужая и ненавистная.

ВЕРА ПАВЛОВНА ФРОЛОВА
ИЩИ МЕНЯ В РОССИИ
ДНЕВНИК «ВОСТОЧНОЙ РАБЫНИ»
В НЕМЕЦКОМ ПЛЕНУ
1942–1943

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Редактор Людмила Ворончихина
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Юлия Теплова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.09.2025.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 44,1 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-39672-01-R